

СОВЕТСКОЕ ИСКУССТВО

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
НАРКОМПРОСА
РСФСР

ГОД ИЗДАНИЯ ТРЕТИЙ

СОВЕТСКОЕ ИСКУССТВО
ДОЛЖНО ВЫРАБАТЫВАТЬ
КЛАССОВОЕ САМОСОЗНАНИЕ

борющегося пролетариата и по-
могать развитию и укрепле-
нию социалистического
строительства

3

★

КИНО-ИЗДАТЕЛЬСТВО РСФСР
МОСКВА ★ 1 9 2 7 ★ ЛЕНИНГРАД

Вышедшая четыре года назад книга В. Волькенштейна „Драматургия“ („Новая Москва“) исследовала технику диалогических произведений с точки зрения драматурга-практика; только что вышедшая книга С. Балухатого анализирует диалогическое произведение с точки зрения литературоведа. Этим двум точкам зрения соответствуют два метода: исследование волевых стремлений персонажа в первом случае и исследование его речевых функций—во втором.

Метод В. Волькенштейна (как совершенно справедливо указывается в рецензируемой работе—стр. 169—70) грешит чрезмерно большой абстракцией. Волевые устремления—понятие настолько общее, что ни в какой степени не определяет реального поведения персонажа.

Метод С. Балухатого (чрезвычайно обстоятельно, но конспективно излагаемый в достаточно путанной стилистически вводной главе „Проблемы драматургического анализа“ стр. 7—22) сводится к изучению типа речевых высказываний действующих лиц. Автор определяет: „Факторами, организующими словесный ряд в драме, являются тема и эмоция. Тема—носитель в слове... знаков конкретных... образов... Мотивы действий—поведения лиц лежат в „эмоциях“ (стр. 9). То-есть, иначе говоря, „эмоции“ являются теми волевыми устремлениями, на столкновении которых строятся перепетии драматического произведения.

Автор же в ходе книги суживает понятие эмоций до значения определителей типа речи персонажа.

Исследование учитывает различные (в зависимости от организующих их эмоций) типы речеведения. Речеведения, комбинируясь, образуют темоведение. „По темам“ и строится исследование. Анализируется композиция сцены (явления), быта, всей пьесы. Автор учитывает даже паузы действия как психологические (в речи), так и драматургические.

Но на этом и вскрывается недостаточность метода.

Производимый автором анализ с равным (и весьма положительным успехом может быть применен к любому словесному произведению, развивающему некоторый характер или некоторое событие. Волевые устремления организуют пьесу по рядам зрительному, эмоциональному, слуховому, а не только смысловому (логическому). Авторский же анализ словесного выражения пьесы учитывает только последний момент, не затрагивая даже

фонетической стороны речи (звуков, интонаций, тембра). Таким образом, анализируемой оказывается пьеса для чтения (в лучшем случае—шаткий анализ эмоционального „воспроизведения“ ее читателем), вместо воплощенного в реальную актерскую игру пьесы для представления.

Понятно, изучение реального осуществления пьесы технически трудно и практически превращается в изучение спектакля, но такова функциональная роль пьесы: драматическое произведение служебно по самому своему замыслу, по своему назначению.

Серьезным методологическим недостатком работы является отсутствие анализа ролей. Утверждая, что Чехов „разрушает обычную систему амплуа“ (стр. 164), автор впадает в противоречие по существу. Чехов разрушает обычную систему амплуа,—только в том случае, если амплуа понимать наивно, как сюжетный образ композиции пьесы. Автор же, исходя из только что цитированного положения, оставляет без внимания сюжетную (композиционную) сторону ролей, берет персонажи пьес с точки зрения не „профессионального“ их значения, но с точки зрения того, какой интерес обрисовка их представляла для Чехова.

Интерес этот был бытовой. Отсюда: „композиция, диалог и мизансцены подчинены натуралистическому оформлению пьесы“ (стр. 166). Но что есть натуралистическое оформление? Понятно, не наивный ответ „как в жизни“, но определенный композиционный прием. В таком случае, на исследователя драматургической продукции Чехова лежит обязанность проанализированность этот прием.

Однако, книга не дает анализа драматургической техники Чехова.

Социологический анализ, равно как и анализ современной Чехову драматургии (то, от чего Чехов отталкивался), в задачи автора не входил. В книге, однако, видны следы и того, и другого. Разбираемые пьесы поставлены в связь с беллетристическими произведениями автора, но, наряду с этим, никак не учтены его „малые жанры“.

Итоги: налицо прекрасное описание (сырьевое) одной из областей Чеховского литературного наследия; проблемы драматургического анализа не разрешены. Но книга ставит ряд методологических и практических вопросов. В частности, чрезвычайно убедителен метод автора в качестве одного из методов драматургического анализа.

Тираж мал; цена непомерно высока.

ТЕОДОР ЛЕВИТ